



# Рвётся память хрупкая нить

## Татарские поэты в переводе Ивана Данилова

ПОЭЗИЯ

*Роберт  
Ахметжанов*

### На Земле – июнь

...А ты спала, светло и отрешённо,  
Снов предрассветных таинства храня,  
Когда, под солнцем выкупав газоны,  
В июньский ливень ринулась земля!

Как парится земля! В любом оконце  
Горячих листьев запахи. И лучи,  
Как пар в парной – всё заполняет солнце,  
И по спине, плещась, бегут ручьи.

В июньском небе – поступь громобоя.  
Грома, грома... Числа им, буйным, несть, –  
Последнею, тревожною любовью  
Они вошли в мою судьбу и песнь.

Я окна распахну. Там, где парит,  
Где облака, где лип щемящий шорох,  
Земля юна. Июнь на ней стоит –  
Пора свиданий на земных просторах.

А стилой ранью в мироздании тесном,  
Когда ты спишь и синь ещё восток,  
Я отыщу единственное место,  
Где ты, где счастья нашего исток...

## СНЕЖНЫЙ СВЕТ

Рассветные снега мерцают зыбко,  
И синий след – на белом полотне.  
В моей душе слова, твоя улыбка  
И ветер дальний. Он гудит во мне.

И по следам твоим уходит слово  
Из глубины моей, наперекор зиме.  
Студёный свет. И думается снова –  
Не ты, а снежный свет смеётся мне.

И в хаосе снежинок и огней  
Ищу лицо в румянце от мороза.  
Ты – боль моя, бессонница ночей,  
Ты – всё: и солнце, и дожди, и грозы...

И как прилив льнёт к берегу всегда,  
К тебе идут мои воспоминанья.  
Во мне – твоя улыбка, как звезда,  
Восходит – и искрится мирозданье.

...Гаснут глаза твои –  
что происходит в твоей судьбе?  
Я помню ночи: снежный свет и ты.  
Неотвратимые, зовут и влекут к себе  
Пронзительные, голубые-голубые твои следы!..

*Наби Даули*

## УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ

С каждым годом осмысленней, резче  
Сознаю быстротечность дней.  
И всё явственней слышу – плещет  
В вышине караван журавлей.

Хоть и вечен он, как былина,  
И былинен, как древний струг,  
Всё же думаю я: «Где ты, милая  
Юность искренних клятв, порук?»

На каких отзвенела тропах,  
На дорогах мужала каких,  
И, вбирая нелёгкий опыт,  
Отливалась в нелёгкий стих?»

И порой по весне берёза  
Будит рано, в рассветный дым,  
Помудревшим и слишком серьёзным  
Монологом зелёным своим.

Вот бы нам, как берёзе уметь!  
Кто бы свойство такое выдумал –  
Возродиться и молодеть –  
Я светло и печально завидую,

Чтобы снова бунтуя гневно  
Отметая рассудок, в крови  
Зарождалась нетленная верность,  
Неразменная ценность любви!

Только поздно. Осеннее утро...  
Рвётся памяти хрупкая нить.  
Я живу, повзрослевший и мудрый,  
Слишком мудрый, чтоб снова любить.

Ну, а жизнь подступает с вопросами,  
И они остры, как ножи:  
«Как ты скажешь сегодня о прожитом?  
Как всё было: сложно ли, просто ли?  
Исповедуйся, расскажи...»

«Подарила тебе способность  
Жить счастливо, красиво жить.  
Жил открыто иль приспособясь?  
Исповедуйся, расскажи.

По плечу ль оказалась слава  
Той земли, о которой петь  
Я тебя одарила правом,  
Над которой не властна смерть?»

Вот и всё. Все вопросы заданы.  
Не ответить на них нельзя.  
Смотрит жизнь неотрывно, жадно  
На задумавшегося меня.

И ответил я... И вставали  
Где-то жаркие зори земли,  
И летели к ним, как летали  
Испокон веков журавли.

## На заре

Над горизонтом разожгли костёр.  
Костёр в полнеба руки распростёр.

И солнце звонким золотым котлом  
Повисло над пылающим костром.

Лес зашумел, и ветерок подул,  
Тумана крылья вскинулись в саду.

Жемчужным росам жарко на лугу,  
И влажный ветер прячется в стогу.

И чист рассвет, как перезвон лютни.  
...Пусть мир такой царит и меж людьми.

## Возвращение

Ещё зерно в колосьях спит уютно,  
Досматривая утренние сны.  
Улыбчивое солнце всходит круто  
Над пеньем птиц, над гимнами весны.  
И я смотрю в восторге онемелом  
На эту землю, мудрую, как мать,  
Готовую к священнейшему делу –  
Продлению жизни.

Вскармливать.

Рождать.

Я тоже сын. Лицо росой омою.  
Она меня, а я её пойму.  
Устану – припаду к ней головою,  
Горит в груди – я к роднику прильну.  
Осиливая дальнюю дорогу,  
Мы по тебе умели тосковать.  
Сквозь смерть и пламя я прошёл не дрогнув,  
Чтоб снова эту землю увидеть.

Цветы, как брызги, плещут у дороги,  
Над ними синий бабочек полёт,  
И пчёлы – крошечные недотроги  
Моим сельчанам собирают мёд.

Муса Джалиль

## Не верь

Если слух пройдёт – не верь тому,  
кто со мной паденье в страхе свяжет.  
Ты не верь, родная, потому,  
что друзья такого – нет! – не скажут.

Клятва, что на знамени моём,  
жив покуда – эта клятва длится.  
Я не вправе даже под огнём  
и вконец устав, – остановиться.

Если слух пройдёт – измены мглу  
с именем моим бесстыдно свяжут –  
ты не верь, родная, потому –  
те, кто любит, этого не скажут.

За спиною автомат. Судьбе  
довелось испытать чужбины ветер.  
Если б я Отчизне и тебе  
изменил – зачем мне жить на свете?

Если слух пройдёт, что умер я –  
не спеши меня оплакать заживо.  
Ты не верь, родная, у меня  
нет друзей, которые так скажут.

Тело может быть погребено,  
но как песню посчитать пропавшую?  
Да! Могу и я погибнуть, но  
я оставлю песню – смерть поправшую!

*( 3-е место (1-е не присуждалось)  
в конкурсе переводчиков, посвящённых  
80-летию М. Джалиля. 1986 г.)*

Кави Лайтингов

\* \* \*

Брату М. Л.

В земле Постдамской возлежит твой прах,  
И красная звезда над той могилой.  
Но память о тебе – в моих глазах,  
Она у глаз моих морщины свила.  
Но дуб растёт, что ты перед войной  
В своей деревне посадил однажды.  
Он одинок – война тому виной,  
Тобой посажен – это знает каждый.  
И раннею весной листву меняя,  
В лучах весенних трепетно горя,  
Грустит он, слёзы по коре роняя,  
Об этом никому не говоря.

\* \* \*

*У моря новый цвет, новая красота. Оно  
встречает новый день в новом украшении.*

Галимжан Ибрагимов, рассказ «В море»

Работа капель внешне незаметна.  
За каплей капля падает в тиши,  
И вот уже видна такая мета,  
Которую оставили ручьи.

А капля точит камень, движет горы  
И оставляет свой извечный след.  
Попробуйте создать без капель море –  
Такого моря не было и нет.

Вот наша проза – вспененное море.  
Сверкает мысль, как лезвие ножа.  
Гремит и блещет в том могучем хоре  
Родоначальник прозы Галимжан.

## Скворчонок

Старый дом в переулке совсем изнемог,  
 Прикрываясь от пыли тёсом, в ветхости рыжим.  
 Многолетне стекая к стрехе, только мох,  
 Словно свежая озимь, зеленеет на крыше.

Переулкa начало... Старый дом на углу...  
 Он почти развалился, темнея от пыли...  
 Но я помню, я вспомнить те годы могу,  
 где счастливо и шумно дни его проходили.

Обветшал... Сколько вёсен в хорошей поре  
 Прорумело... И зим проскрипело мимо.  
 Вот и снова весна, вот и снова весна на дворе  
 И всё тот же репейник и всё та же крапива.

Мы с гусятами вместе вырастали, как травы в лугах.  
 Во дворах нас помногу водилось у кровя родного.  
 Выводили нас в жизнь, обучая стоять на ногах,  
 Дворовые просторы деревенского отчего дома.

Старый дом. Он уже не встречает тебя,  
 Простодушно раскрыв настежь обе свои половины.  
 Не избыв прошлой памяти, не истребя,  
 Всё хожу у ворот, словно в чём-то далёком повинный...

Вдруг в густой тишине, из-под крыши, смешав всё вокруг,  
 Раздаётся настойчивый голос живого.  
 Писк скворчонка, беззаветный, тревожащий звук.  
 Так понятно и близко, как ясное детское слово.

Песни детства – только раз нам даётся пропеть их,  
 Столько страсти звучит в вечереющем щебете том,  
 Что и тёплое тельце его, и гнездо, и весь дом  
 Содрогаются будто от звуков пронзительных этих.

Крутит он головой, острой, словно веретено,  
 Будто в первой тоске по участию, соседству простому,  
 Но никто не ответил скворчонку на голос его –  
 Все давно разошлись, разлетелись из ветхого дома.

Я стою здесь один. И скворчинный порыв  
 Одиноко звучит, грустно и удручённо,  
 Будто – впрямь – сохранились с той давней поры,  
 Будто всё, что осталось с той давней поры,  
 Только я да скворчонок...

Марс Шабаев

## Осень

Притих уставший опустевший сад,  
И поздние цветы стоят в раздумьи.  
Студёные ветра в ветвях задули,  
И птицы жёлтые с дерев летят.

Всё реже опаляя небосвод,  
Рябое солнце светит над лесами,  
И долгими сырыми месяцами  
Тяжёлых туч едва заметен ход.

Неторопливо шумный лес горит,  
И полыхают городские рощи,  
И мир дожди упрямые полощут, –  
Во всём уравновешенность царит.

И вся земля – нетухнувший пожар.  
Она чиста и холодна, как утро.  
Она сильна, она мудра, как будто  
Мужчина, что давно уж возмужал...

\* \* \*

По белой бумаге – синие слёзы  
Капля за каплей катятся.  
Лист – он белее весенней берёзы,  
Что же вам, девушка, плачется?  
Весна молодая под окнами плещет,  
Снега, повидавшие виды.  
Но есть же на свете серьёзные вещи –  
Слёзы, письма, обиды...  
И всё напоено живительным током,  
Давайте окна откроем.  
Зачем же сидеть у закрытых окон  
Над синей чьей-то строкою?  
Солнце, хоть ты своим пламенным боком  
Испепели бумагу,  
Солнце, сожги же письмо, ради бога,  
Будь же волшебным магом.  
Девушка плачет – знать, больно ей.  
Ей не до вёсен и радуг...  
Как ей вернуть, подскажите скорей,  
Девичью вешнюю радость.



*Самат Шакир*

## Иван Кырля

*Марийскому киноактёру и поэту,  
сыгравшему заглавную роль  
Мустафы в первом советском звуковом  
фильме «Путёвка  
в жизнь» и репрессированному  
в годы культа личности*

Я живого увидеть тебя не успел,  
Но, смыкая разрыв времён,  
Кинолентой, где ты улыбался и пел,  
Не однажды был покорён.  
Над тобой – было время! –  
сгущалась мгла,  
Было время – юпитеров свет...  
Голос, облик твой и игра  
Не тускнеют десятки лет.  
В напряжённом разбеге  
труда и борьбы,  
В гуле строек,  
пространств,  
дорог  
Ты сыграл человека тяжёлой судьбы,  
Но свою облегчить не смог...  
Мустафа твой шагал по экранам страны,  
Ошибался и падал, чтоб встать.  
Умирать даже в фильмах за правду должны,  
Чтоб в памяти  
не умирать.  
Ты, мариец, татарина образ создал  
Так естественно и легко,  
Что, казалось, слабее любой металл,  
Чем духовное наше родство.  
Ты с Джалилем дружил.  
И в Москве вас свела  
(Да одних ли сводила вас!)  
Жажда знаний  
и вера в святые слова,  
В свой единственный звёздный час.  
Час пробил твой, Кырля,  
и, презрев рубежи  
И границы материков,  
Словно вызов зверью,  
и безверью,  
и лжи,  
Мустафе улыбаться готов.  
И пустивший «бродягу» по свету Капур  
Скажет миру: «Спасибо Кырле!»

Труд, терпенье –  
сгорел тот бикфордов шнур,  
Чтобы слава – по всей земле!..  
И чем дальше, тем понимаем верней  
Жизнь героя, актёра труд,  
Что и нынче сквозь толщу минувших лет  
Неразлучно вдвоём идут,  
И, как брату, – не по анкентной графе! –  
Сердце щедростью окрыля,  
Он татарину Мустафе  
Улыбнётся, мариец Кырля!

28

## Помните, люди!

*Памяти поэта, полковника  
Хайрутдина Музая,  
сожжённого в Дахау*

Понять ли умом человеческим,  
Что есть и такие залы,  
Где разжигаются печи,  
Чтоб жизнь –  
угасала?!  
В какой чудовищной призме  
Так преломилось просто –  
Что стало изъятие жизни  
Промышленным  
производством?!  
Трудно ли  
не сошедшему  
С ума  
усвоить понятия:  
Хотя бы – добрососедство,  
Уж если люди – не братья?!  
Но – было! – и печи, и плети,  
И по звериному праву  
Клеймом легли на планете  
людей –  
Дахау, Дахау...  
Чтоб в печи –  
мечты и нежность,  
Мертвенному накалу  
Предать,  
чтоб живой – не жил –  
Дахау, Дахау...  
На теле планеты – короста  
Пропитана злобой и ложью,  
Но человек не просто  
Ното, но sapiens тоже.  
И верили коммунисты

В гибельном том тумане,  
 Как бы ни было мглисто,  
 Видели – солнце встанет.  
 Видели, приближали  
 Время для гимнов свободе...  
 Какие нужны скрижали,  
 Чтоб подвиг их жил в народе?!  
 Чтоб пламенели утрами  
 Знамёна в разливе алом,  
 Была чтоб людская память  
 Лучшим мемориалом!  
 ...Минули долгие сроки.  
 Я нынче иду по маю  
 И в этой моей дороге  
 Лучших шагов не знаю,  
 Чем посвятить эти строки  
 Хайрутдину Музаю.

## Французы у памятника Джалилю

Над свежей водою,  
 над осенью рыжей  
 Звучат восклицанья посланцев Парижа,  
 Сквозь грохот строительств  
 и шум новоселий  
 Взволнованный голос Турина, Марселя...  
 Туризм! О сладчайшее из наказаний –  
 В Казани французы, французы в Казани!  
 И как же Казань далека от Парижа,  
 Пока облака на шасси не нанижет  
 Континентально сквозящая птица,  
 В которой земно и обыденно спитса  
 (И так ли уж важно, что в небе пропело –  
 хоть наш ли «Ильюшин» иль их «Каравелла»...)  
 Не нужно усилий при переводе,  
 Зачем же себя ты так славно изводишь,  
 Питомец Сорбонны в косынке пирата –  
 Ведь сердца язык – он всегда эсперанто!  
 И гении наши – от искры, от бога –  
 По праву всеобщи – Гюго или Гоголь,  
 И песнь Амирхана и гимн Арагона  
 Не вечная к истине разве погоня?  
 И разве волна нашей Волги однажды  
 Вас не спасла бы, как Сена, от жажды?  
 ...Вдруг, словно вступая в знобящее утро,  
 Джалиль разрывает колючие путы,  
 И здесь, осознав необычность момента,  
 Застыли, притихшие, у монумента.

Смотря пред собою тревожаще странно:  
– Кто он? – еле слышно промолвила Жанна.  
– Джалиль...  
– Тот, чья песня с камней Моабита  
Бессмертную вывела к солнцу орбиту?  
Мы знаем его,  
и в понятия не узком  
Давно уж звучит его песнь на французском...  
И в землю Казани,  
и в землю Джалиля –  
Горсть тёплой земли от Руана и Лилля.  
И нет безыскусней сердечного жеста:  
К граниту Джалиля – земля Пер-Лашеза,  
Поскольку стена коммунаров извечно  
Над миром восходит упрямо и веще,  
Как скорби поэта, как знак единенья,  
Как правда,  
идущая сквозь поколения!

## Израненный дуб

Я помню дуб за бруствером окопа,  
Верней, не дуб, а то, что было им,  
И всё же жил он, стряхивая копоть,  
Дуб-исполин, пришедший из былин.  
Обугленные ветви простирая,  
Безмолвный – просто нечем шелестеть –  
Являл собой в тот час не кущи рая,  
А боль. И умирание. И смерть...  
И смерть – она неистово свистела,  
Шрапнельный ветер в клочья рвал кору,  
И древесина – нет, скорее тело,  
Живым попасть не мыслило к врагу!  
Раздавленные корни напрягая,  
Вобрав земли прощальное тепло,  
Дуб умирал посередине мая,  
Среди России – тут хоть повезло...  
Но всё же, путаясь в туманах белых,  
Вдаль откатилась грохота волна:  
Сколь долгой ни была, но отшумела,  
Отбушевала, наконец, война.  
Попробуй в мире обозначь пределы  
Стремленью к жизни, тяги к светлым дням!  
Вернулись птицы к рощам поредельм  
И солнце – к листьям, и дожди – к корням.  
О, сколько было трепетной надежды  
В наивном первом – жизнь на волоске! –  
Между проломом, шрамами и между  
Ожогами явившемся листке.  
И ожил дуб. Целебней нету веры

В родную землю, в дождь родной и снег.  
 В любой беде, в любые век и эру  
 Так восставал от смерти человек.  
 Когда забуду на опасных тропах  
 О мужестве, о стойкости людской,  
 Я вспомню дуб за бруствером окопа –  
 Он гордой веры  
 Гордый часовой!

*Шамиль Маннанов*

\* \* \*

В алых отблесках облик твой, юность.  
 Отчего ты румяна, молодость?  
 Оттого, что ко мне прикоснулось  
 Пламя, словно к металлу под молотом.

А ещё оттого, быть может,  
 Что в долгу неоплатном я  
 Перед теми, кто бездорожьем  
 К солнцу, в люди вывел меня...

Отчего ты бледна, старость?  
 Оттого, что над пепелищем  
 Слишком много пепла осталось.  
 А вот мысли – светлей и чище.

*Перевод с татарского  
 Ивана Данилова*

## Птица долгой зимы о казанском поэте Иване Данилове

1941–2010

О казанском поэте Иване Ивановиче Данилове практически не найти материалов в Интернете. Кое-какие скудные сведения можно почерпнуть из газетных подборок 60–80-х годов прошлого столетия. Но их, эти газеты, нужно было ещё обнаружить. Как и единственную книгу поэта «Завязь». Вот почему большой удачей явился архив поэта, любезно предоставленный нам сестрой Ивана Данилова – Лидией Ивановной Даниловой, её дочерью Ириной Леонидовной Билаловой и внуком Константином Ренатовичем Билаловым.

Представляем вниманию читателя биографию незаслуженно забытого талантливого русского поэта второй половины XX столетия.